

Online ISSN 2335-2388

RESPECTUS PHILOLOGICUS

2014 Nr. 25 (30)

RESPECTUS PHILOLOGICUS Nr. 25 (30)

MOKSLINIS TĖSTINIS LEIDINYS

Leidžia Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas ir Jano Kochanovskio universiteto Humanitarinis fakultetas Kielcuose du kartus per metus (balandžio 25 d. ir spalio 25 d.).

Mokslo kryptis: filologija (04H). Mokslo sritys: gramatika, semantika, semiotika, sintaksė (H 352), bendroji ir lyginamoji literatūra, literatūros kritika, literatūros teorija (H 390).

Pagrindinės kalbos: lietuvių, lenkų, anglų, rusų.

CZASOPISMO NAUKOWE

Wydawcy: Uniwersytet Wileński – Wydział Humanistyczny w Kownie oraz Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach. Ukazuje się dwa razy w roku: 25 kwietnia i 25 października.

Kierunek naukowy: filologia (04H). Dyscypliny naukowe: gramatyka, semiotyka, semantyka, syntaktyka (H 352), literatura ogólna i porównawcza, krytyka literacka, teoria literatury (H 390).

Podstawowe języki: polski, litewski, angielski i rosyjski.

ONGOING ACADEMIC PUBLICATION

Published twice a year (April 25, October 25) by Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities and The Jan Kochanowski University Faculty of Humanities in Kielce.

Scientific field: philology (04H). Research areas: grammar, semantics, semiotics, syntax (H 352), general and comparative literature, literary criticism, literary theory (H 390).

The journal accepts articles and correspondence written in English, Lithuanian, Polish and Russian.

DUOMENŲ BAZĖS / BAZY DANYCH / ABSTRACTING AND INDEXING

Elektronische Zeitschriftenbibliothek (2002) Arianta (2002)	Frei zugängliche E-Journals Universitätsbibliothek Regensburg
Balcan Rusistics (2004)	Naukowe i branżowe polskie czasopisma elektroniczne Biblioteka Uniwersytetu Śląskiego
C.E.E.O.L. (2005)	Russian Language, Literature and Cultural Studies Central and Eastern European Online Library DFG Nationallizenzen
EBSCO (2006)	Humanities International Complete Humanities Source Current Abstracts Humanities International Index TOC Premier
MLA (2007)	Modern Language Association International Bibliography
Index Copernicus (2008)	Index Copernicus International Journal Master List
Lituanistika (2011)	The database of the humanities and social sciences in Lithuania
Linguistic Bibliography Online (2012)	Brill Leiden, Netherlands
Ulrichs (2013)	Ulrich's Periodicals

PATIKRA / WERYFIKACJA / VERIFICATION

Redakcijos adresas / Adres redakcji / Address of the editorial board

Žurnalas „Respectus Philologicus“
Vilniaus universitetas
Kauno humanitarinis fakultetas
Muitinės g. 8, LT-44280 Kaunas, Lietuva

Respectus Philologicus
Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanities
Muitines 8, Kaunas 44280, Lithuania

Tel. +370 37 750 536

El. paštas / E-mail respectus@gmail.com

Interneto svetainė / Strona internetowa / Homepage <http://filologija.vukhf.lt>

Moksliniai ir kalbos redaktoriai / Redakcja naukowa i językowa / Proof-readers

Gabija Bankauskaitė-Sereikienė (lietuvių kalba / język litewski / Lithuanian language)
Kazimierz Luciński, Beata Piasecka (lenkų kalba / język polski / Polish language)
Algis Braun (anglų kalba / język angielski / English language)
Eleonora Lassar, Viktorija Makarova (rusų kalba / język rosyjski / Russian language)

Vertimas / Tłumaczenie / Translation

Beata Piasecka, Živilė Nemickienė

Pagrindinė redaktorė / Redaktor prowadzący / Publishing editor

Viktorija Makarova

Print ISSN 1392-8295, Online ISSN 2335-2388

© Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2014

© Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach, 2014

REDAKTORIŲ KOLEGIJA — KOLEGIUM REDAKCYJNE

- Eleonora Lissan** VU KHF profesorė, habil. dr. (04H), Lietuva, *vyriausioji redaktorė*
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr hab. (04H), Litwa, *redaktor naczelny*
- Kazimierz Luciński** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (04H), Lenkija, *vyriausiosios redaktorės pavaduotojas*
 Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (04H), Polska, *zastępcza redaktora naczelnego*
- Irina Oukhvanova-Shmygova** Baltarusijos valstybinio universiteto profesorė, dr. (04H), Baltarusija, *vyriausiosios redaktorės pavaduotoja*
 Profesor Białoruskiego Uniwersytetu Państwowego, dr (04H), Białoruś, *zastępcza redaktora naczelnego*
- Gabija Bankauskaitė-Sereikienė** VU KHF profesorė, dr. (04H), Lietuva, *atsakingoji sekretorė*
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa, *sekretarz kolegium*
- Daiva Aliūkaitė** VU KHF docentė, dr. (04H), Lietuva
 Docent Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Danutė Balšaitytė** VU Užsienio kalbų instituto profesorė, dr. (04H), Lietuva
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Instytut Języków Obcych, dr (04H), Litwa
- Wiesław Caban** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (05H), Lenkija
 Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (05H), Polska
- Renato Corsetti** Romos universiteto „La Sapienza“ profesorius, habil. dr. (04H), Italija
 Profesor Uniwersytetu Rzymskiego „La Sapienza“, dr hab. (04H), Włochy
- Anatolij Chudinov** Uralo valstybinio pedagoginio universiteto profesorius, dr. (04H), Rusija
 Profesor Uralskiego Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego, dr (04H), Rosja
- Hans-Jürgen Diller** Bochumo Ruhro universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Vokietija
 Profesor Uniwersytetu Ruhry w Bochum, dr hab. (04H), Niemcy
- Aloyzas Gudavičius** Šiaulių universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Lietuva
 Profesor Uniwersytetu w Šiauliai, dr hab. (04H), Litwa

- Laima Kalėdienė** Lietuvių kalbos instituto vyriausioji mokslo darbuotoja, profesorė, dr. (04H), Lietuva
Starys pracownik naukowy, profesor w Instytucie Języka Litewskiego, dr (04H), Litwa
- Juris Kastinš** Latvijos universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Latvija
Profesor Uniwersytetu Łotewskiego w Rydze, dr hab. (04H), Łotwa
- Asta Kazlauskienė** Vytauto Didžiojo universiteto profesorė, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Witolda Wielkiego, dr (04H), Litwa
- Jurij Kleiner** Sankt Peterburgo universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Rusija
Profesor Uniwersytetu w Sankt Petersburgu, dr hab. (04H), Rosja
- Aleksandras Krasnovas** VU KHF profesorius, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Jadvyga Krūminienė** VU KHF profesorė, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Jurgita Mikelionienė** Kauno technologijos universiteto docentė, dr. (04H), Lietuva
Docent Uniwersytetu Technologicznego w Kownie, dr (04H), Litwa
- Gerald E. Mikkelson** Kanzaso universiteto profesorius, dr. (04H), JAV
Profesor Uniwersytetu w Kansas, dr (04H), USA
- Olegas Poliakovas** VU KHF profesorius, habil. dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr hab. (04H), Litwa
- Marek Ruskowski** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (04H), Lenkija
Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (04H), Polska
- Yuri Stulov** Minsko valstybinio lingvistikos universiteto profesorius, dr. (04H), Europos „Amerikos studijų asociacijos“ Baltarusijos filialo prezidentas, Baltarusija
Profesor Państwowego Uniwersytetu Lingwistycznego w Mińsku, dr (04H), prezes białoruskiej filii Europejskiego Stowarzyszenia Studiów Amerykanistycznych, Białoruś
- Leona Tokor** Jeruzalės Žydų universiteto profesorė, habil. dr. (04H), Izraelis
Profesor Uniwersytetu Hebrajskiego w Jerozolimie, dr hab. (04H), Izrael

---

EDITORIAL BOARD

Eleonora Lissan	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania, <i>editor-in-chief</i>
Kazimierz Luciński	Professor (04H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland, <i>deputy editor-in-chief</i>
Irina Oukhvanova-Shmygova	Professor (04H), Belarusian State University, Belarus, <i>deputy editor-in-chief</i>
Gabija Bankauskaitė-Sereikienė	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania, <i>managing secretary</i>
Daiva Aliūkaitė	Associate Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Danutė Balšaitytė	Professor (04H), Vilnius University (Institute of Foreign Languages), Lithuania
Wiesław Caban	Professor (05H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland
Renato Corsetti	Professor (04H), Sapienza University of Rome, Italy
Anatolij Chudinov	Professor (04H), Ural State Pedagogical University, Russia
Hans-Jürgen Diller	Professor (04H), Ruhr University Bochum, Germany
Aloyzas Gudavičius	Professor (04H), Šiauliai University, Lithuania
Laima Kalėdienė	Professor (04H), Senior Researcher, Institute of the Lithuanian Language, Lithuania
Juris Kastinš	Professor (04H), University of Latvia, Latvia
Asta Kazlauskienė	Professor (04H), Vytautas Magnus University, Lithuania
Jurij Kleiner	Professor (04H), St. Petersburg State University, Russia
Aleksandras Krasnovas	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Jadvyga Krūminienė	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Jurgita Mikelionienė	Associate Professor (04H), Kaunas University of Technology, Lithuania
Gerald E. Mikkelson	Professor (04H), The University of Kansas, USA

Olegas Poliakovas	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Marek Ruskowski	Professor (04H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland
Yuri Stulov	Professor (04H), Minsk State Linguistic University, President of European Association for American Studies in Belarus, Belarus
Leona Toker	Professor (04H), The Hebrew University of Jerusalem, Israel

TURINYS / SPIS TREŚCI

I. PROBLEMOS IR SPRENDIMAI / PROBLEMY I ICH ROZWIĄZANIA

- Dušan Stamenković, Austin Bennett, Mihailo Antović** (Serbija, JAV / Serbia, USA). The Roles of Vision, Space, and the Body in Interpreting Unfamiliar Serbian and English Idiomatic Expressions 11
- Марина Гутовская** (Baltarusija / Białoruś). Фразеосемантическое поле в компаративном лингвокогнитивном освещении: направления и метод исследования..... 31
- Marek Ruzzkowski** (Lenkija / Polska). Typy wariantywności w języku polskim 53

II. FAKTAI IR APMASTYMAI / FAKTY I ROZWAŻANIA

- Анастасия Беловодская** (Lietuva / Litwa). Сетевой фольклор и его роль в формировании коллективного когнитивного пространства 63
- Наталья Ковтун** (Rusija / Rosja). Прием художественной мистификации в романе К. Рансмайра «Последний мир»..... 74
- Michał Mazurkiewicz** (Lenkija / Polska). American Sport and the Sports Heroes of the Roaring Twenties 89
- Ecevit Bekler** (Turkija / Turcja). The True Face of Pre-Colonial Africa in *Things Fall Apart*..... 96
- Jane Mattisson** (Švedija / Szwecja). Supervising in English: The Doctoral Thesis, Professor/Student Discourse, and Social Practice 105
- Олег Гринбаум** (Rusija / Rosja). Вопросы теории стиха: эстетические категории и поэтический текст..... 118
- Piotr Zbróg** (Lenkija / Polska). Wpływ płynnej nowoczesności na kulturę języka w komunikacji profesjonalnej 140
- Joanna Szadura** (Lenkija / Polska). Konceptualizacja tygodnia we współczesnej polszczyźnie..... 149
- Dovilė Kulakauskienė** (Lietuva / Litwa). Atminties perėmimas ir tapatybės formavimas: kartų naratyvai Vilkyškių miestyje..... 160
- Simona Siderevičiūtė** (Lietuva / Litwa). Mokslinė fantastika istoriniame ir kultūriniame literatūros diskurse 172
- Oleg Leszczak** (Lenkija / Polska). Społeczny i empiryczny charakter transcendentnego antropocentryzmu Immanuela Kanta: istota i lokalizacja tzw. „natury ludzkiej” 185
- Maryna Alohyna** (Ukraina / Ukraina). Comparative Analysis of the Reproduction of Style in Ukrainian, Russian, and Polish Translations of *Tom Sawyer* and *Huckleberry Finn*..... 200
- Tatiana Jankowska** (Lenkija / Polska). Między naturą a kulturą: analiza strukturalna mitu C. Lévi-Straussa w świetle współczesnej semiotyki 211

III. NUOMONĖ / OPINIE I POGLĄDY

- Казимеж Люцинский** (Lenkija / Polska). О заимствовании, отражающем практику современной действительности (к вопросу о слове *мониторинг* в русском языке в сравнении с польским) 218

IV. SKAUDŪS KLAUSIMAI / DRAŹLIWE KWESTIE

- Audronė Rimkutė** (Lietuva / Litwa). „Pagarbaus atstumo“ principas lietuvos kultūros politikoje 227

V. MŪSŲ VERTIMAI / NASZE PRZEKŁADY

- John R. Taylor** (Naujoji Zelandija / Nowa Zelandia). Kalba mąstyme. *Vertė / Thum. Živilė Nemickienė* 244

VI. MOKSLINIO GYVENIMO KRONIKA / KRONIKA ŻYCIA NAUKOWEGO

Knygų recenzijos / Recenzje książek

- Юрий Шатин** (Rusija / Rosja). Алгебра гармонии. ГРИНБАУМ, О. Н., 2012. *Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: ритмико-смысловый комментарий. Главы первая, вторая, третья, четвертая*; ГРИНБАУМ, О. Н., 2013. *Основы математико-гармонического анализа поэтических текстов* 254

- Inesa Šeškauskienė** (Lietuva / Litwa). KESSLER, Stephan, 2013. *Theories of Metaphor Revised* 259

- Julia Ostanina-Olszewska** (Lenkija / Polska). ŠEŠKAUSKIENĖ, Inesa, 2013. *Ways with Words: Insights into the English Lexicon and Some Cross-Linguistic Aspects of Study*...262

- Виктория Макарова** (Lietuva / Litwa). *La Table Ronde. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития*. Выпуск 2. Сост. И. УХВАНОВА, А. КОЖИНОВА, Е. САВИЧ, 2013 264

- Aleksandras Krasnovas** (Lietuva / Litwa). JURGUTIENĖ, Aušra, 2013. *Literatūros suvokimo menas. Hermeneutikos tradicija*.....266

- Anonsai / Zapowiedzi** 270

VII. REIKALAVIMAI STRAIPSNIAMS /

- ZASADY OPRACOWYWANIA PUBLIKACJI 272

- VIII. MŪSŲ AUTORIAI / NASI AUTORZY 284

CONTENTS

I. PROBLEMS AND SOLUTIONS

Dušan Stamenković, Austin Bennett, Mihailo Antović (Serbia / USA). The Roles of Vision, Space, and the Body in Interpreting Unfamiliar Serbian and English Idiomatic Expressions.....	11
Marina Gutovskaya (Belarus). The Phraseological Semantic Field in a Contrastive Linguo-cognitive Study: Directions and Method of Research	31
Marek Ruskowski (Poland). Types of Variantivity in the Polish Language	53

II. FACTS AND REFLECTIONS

Anastasija Belovodskaja (Lithuania). Network Folklore and its Role in the Formation of a Collective Cognitive Space.....	63
Natalia Kovtun (Russia). The Method of Artistic Mystification in Ransmayr's Novel <i>The Last World</i>	74
Michał Mazurkiewicz (Poland). American Sport and the Sports Heroes of the Roaring Twenties	89
Ecevit Bekler (Turkey). The True Face of Pre-Colonial Africa in <i>Things Fall Apart</i>	96
Jane Mattisson (Sweden). Supervising in English: The Doctoral Thesis, Professor/Student Discourse, and Social Practice	105
Oleg Grinbaum (Russia). Issues of Verse Theory: Aesthetic Categories and the Poetic Text	118
Piotr Zbróg (Poland). Effects of Fluid Modernity on the Language Culture of Professional Communication	140
Joanna Szadura (Poland). The Conceptualization of a Week in the Contemporary Polish Language	149
Dovilė Kulakauskienė (Lithuania). Memory Passing and Identity Formation: Generational Narratives in Vilkyškiai	160
Simona Siderevičiūtė (Lithuania). Science Fiction in Historical and Cultural Literary Discourse	172
Oleg Leszczak (Poland). On the Social and Empirical Nature of Kant's Transcendental Anthropocentrism: The Essence and Location of "Human Nature". Part II	185
Maryna Alohyna (Ukraine). Comparative Analysis of the Reproduction of Style in Ukrainian, Russian, and Polish Translations of <i>Tom Sawyer</i> and <i>Huckleberry Finn</i>	200
Tatiana Jankowska (Poland). Between Nature and Culture: Lévi-Strauss's Structural Analysis of Myth in the Light of Semiotics	211

III. OPINION

- Kazimierz Luciński** (Poland). On the Process of Borrowing: A Comparative Analysis of the Use of *Monitoring* in Russian and Polish.....218

IV. SENSITIVE ISSUES

- Audronė Rimkutė** (Lithuania). The “Arm’s Length” Principle in Lithuanian Cultural Policy.....227

V. OUR TRANSLATIONS

- John R. Taylor** (New Zealand). *Kalba mūsų mintyse / Language in the mind.* Translated by *Živilė Nemickienė*..... 244

VI. SCIENTIFIC LIFE CHRONICLE

Book reviews

- Yuri Shatin** (Russia). Алгебра гармонии. ГРИНБАУМ, О. Н., 2012. *Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: ритмико-смысловый комментарий. Главы первая, вторая, третья, четвертая;* ГРИНБАУМ, О. Н., 2013. *Основы математико-гармонического анализа поэтических текстов* 254

- Inesa Šeškauskienė** (Lithuania). KESSLER, Stephan, 2013. *Theories of Metaphor Revised*.....259

- Julia Ostanina-Olszewska** (Poland). ŠEŠKAUSKIENĖ, Inesa, 2013. *Ways with Words: Insights into the English Lexicon and Some Cross-Linguistic Aspects of Study*.....262

- Viktorija Makarova** (Lithuania). *La Table Ronde. Лингвистика дискурса и перспективеее развития.* Выпуск 2. Сост. И. УХВАНОВА, А. КОЖИНОВА, Е. САВИЧ, 2013 264

- Aleksandras Krasnovas** (Lithuania). JURGUTIENĖ, Aušra, 2013. *Literatūros suvokimo menas. Hermeneutikos tradicija*.....266

- Announcements** 270

- VII. REQUIREMENTS FOR PUBLICATION** 272

- VIII. OUR AUTHORS** 284

Наталья Ковтун

Сибирский Федеральный университет

пр. Свободный 82, офис 2-44, 660041 Красноярск, Россия

Тел.: 7 (391) 206 26 87

E-mail: nkovtun@mail.ru

Область научных интересов автора: русская литература XX–XXI вв., поэтика,

идеология утопического метажанра, проза постмодернизма

ПРИЕМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МИСТИФИКАЦИИ В РОМАНЕ К. РАНСМАЙРА «ПОСЛЕДНИЙ МИР»¹

В статье предложена новая трактовка знакового романа австрийского писателя К. Рансмайра «Последний мир» (Christoph Ransmayr «Die letzte Welt», 1988), признанного лучшим текстом европейской прозы конца 1980-х годов². В современной критике произведение анализируется в контексте эстетики постмодернизма, что выглядит более чем спорным. Сюжетную основу романа составляет поиск, интерпретация мистифицируемой и мифологизируемой поэмы Овидия «Метаморфозы». Варианты прочтения знаменитого текста понимаются нами как способы овнеинения, проверки авторского самосознания, попытки приближения к истине как первосмыслу, что явлен в Книге Бытия. Избранный ракурс исследования позволяет выявить формы авторской саморефлексии через образы-маски (герой – рассказчик – «комментатор»-читатель), сюжетное повествование (факты художественной реальности – события повествования – процесс «комментирования»-чтения), мистификацию текстов (произведения мировой литературы – книги персонажей-рассказчиков – текст читателя-«интерпретатора») и систему комментариев к ним. Герои-рассказчики, предлагающие различные толкования исчезнувшей поэмы, реализуют собственное понимание действительности, требующее дальнейшего обсуждения и проверки. Человеческая история сохраняется в памяти, сознании людей благодаря рассказам, авторы которых опираются на собственный экзистенциальный опыт и опыт предшественников, прогнозируют будущее. Процесс познания – суть процесс чтения, интерпретации прежних и создания новых текстов, что расходится с основным тезисом постмодернизма о самозамкнутости, герметичности произведения. Овидию в романе открывается тайна ускользающего времени, рая и ада, которую он пытается донести до собеседников. Процесс сопереживания, сотворчества повествователя и читателя/слушателя приближает к пониманию метафизических основ бытия.

Ключевые слова: Рансмайр, «Последний мир», постмодернизм, формы авторской саморефлексии.

¹ Работа выполнена в рамках научной стажировки по программе ДААД в Йенском университете (2013 г.).

² «Лучшим европейским романом 1989 года по версии франкфуртской книжной ярмарки был признан «Последний мир» Кристофа Рансмайра, а взятый из Овидия эпиграф: «Не сохраняет ничто неизменным свой вид» – чуть ли не девизом эпохи». См.: ПЛАХИНА, А., 2007. Немецкоязычная, но не немецкая. Некоторые аспекты австрийской прозы 1970–1990-х годов. *Вопросы литературы*, № 6, 5–37.

1. Введение в проблему

Исследователи современной литературы отмечают процесс деконструкции традиционной поэтики, недостаточность классических средств анализа художественного текста (метод, жанр, стиль). Их внимание привлекают проблемы метатекстовых, надтекстовых структур, включающие категории «художественного сознания» (М. Гаспаров, В. Тюпа), «художественного мышления» (В. Хрулев), «литературной авторефлексии» (Д. Бак), связанные с потребностью словесности рубежа XX – XXI веков осознать самое себя, собственную идентичность: язык, творческие приемы и принципы. Повествование в таких произведениях сфокусировано не столько на сюжете, самой истории, сколько на процессе ее рассказывания. Д. Сегал отмечает, что литература есть «своего рода симулирующее устройство – моделирование моделирования. Она “работает” двояким образом: во-первых, литература может выполнять функции моделирования первого порядка, создавая модель внетекстового мира и задавая программу поведения; во-вторых, литература рассматривает, описывает, оценивает самые различные варианты – действительные, потенциальные, мнимые, реальные и ирреальные – самого этого моделирования первого порядка» (Сегал 2006: 4). Художественная саморефлексия актуализируется в переходные эпохи развития искусства, когда происходит глобальная смена культурных парадигм, «угасание традиционности» (Бак 1992: 10).

Роман К. Рансмайра «Последний мир» имеет знаковый характер для современной европейской прозы и обычно рассматривается как образец постмодернистской эстетики. Задача данной работы – показать, что названный текст суть проявление новой поэтики, связанной с преодолением стратегии деконструкции, поиском Абсолюта. Личные прозрения героев, субъективное знание о мире вступают в диалогические отношения с предполагаемыми основами бытия, опыт работы со словом направлен на познание мироздания, собственной миссии, судьбы. Автор-создатель не претендует на последнее знание, текст рассматривается как одна из попыток приближения к основам сущего, требующая проверки. Варианты пути к истине столь же непредсказуемы, сколь темен для смертного замысел Творца. Процесс познания реальности отражается в текстах, преодолевает их границы и требует новых текстов. Автор выступает читателем своих и чужих произведений, размышления по их поводу возвращают к событиям действительности, воспроизводят ее с возможной полнотой. Саморефлексия творящего может быть *непосредственной*, а может воплощаться в *идеях, текстах Другого*, наделенного собственным пониманием истории, возможностью комментировать тексты иных персонажей, автора-создателя (Бак 1992: 19).

Прием художественной мистификации воплощается в создании масок автора, когда поэтическая реальность свидетельствуется *вводными текстами*, выполняющими роль

документов эпохи³. В этом случае автор передоверяет свои права героям, вымышленным повествователям, комментаторам, что порождает сложную многоуровневую структуру, где границы текстов и поэтической реальности не очевидны. Такие герои филологически ориентированы, заняты исследованием своих и чужих текстов, что реализуется и как процесс самопознания, самоопределения в настоящем, свидетельствующий о недоверии к прежним абсолютам, реальности как таковой.

2. Текст как свидетельство истории в романе «Последний мир»

Роман австрийского писателя признан лучшим европейским текстом конца 1980-х годов, поразившим критику и читателей необычностью поэтики, совершенством языка (Wilke 1992; Kiel 1996; Gottwald 1996; Затонский 2000). Его центральной фигурой выступает «комментатор», переводчик, интерпретирующий тексты других персонажей-рассказчиков, чтобы восстановить утраченную книгу опального римского поэта Овидия – «Метаморфозы». Фабула произведения, выстроенная как процесс чтения, «перевода» обрывков уничтоженной рукописи, записей на камнях, шкурах животных, тканях... мотивирует введение *текстов Другого*. Известный труд Овидия, представляющий литературную обработку мифов Античности, мифологизируется и мистифицируется,

выступает в роли своеобразной Книги Бытия, содержащей знание о судьбах человеческих.

Произведение можно рассматривать и как историю Римской Империи эпохи Октавиана Августа, вбирающее все достижения западной цивилизации, и как мистическую, реконструируемую по текстам реальность особого рода, не требующую верификации, принимаемую персонажем-читателем, «комментатором», и вслед за ним читателем романа за подлинную. Тайный последователь поэта, сосланного в крымскую провинцию, – Котта – старается разгадать замысел учителя, так рождается его собственное произведение, накладывающееся на текст «Метаморфоз». В интертекстуальном поле романа сплетаются мифы Античности, Средневековья и их литературные версии, представленные текстами Овидия, Данте, Ф. Кафки, У. Эко вплоть до самого К. Рансмайра (Fitz 1998). Рождающиеся таким образом «Метаморфозы» хранят главную идею автора о бренности всего земного, об относительности времени, пространства, культуры, что подчеркнуто девизом из Овидия – «Не сохраняет ничто неизменным свой вид», многократно повторенном в тексте. Книга, воссоздаваемая Коттой, понимается писателем как свидетельство исчезающей истории: от золотого века вплоть до железного, что расходится с эстетикой постмодернизма, признающей единственной реальностью текст (Бутов 2003: 175–178). Трактовка современности как века железного, видимо, навеяна К. Рансмайру «Метаморфозами» Овидия. Поэт описывает железный век, принесший с собой технический

³ См. труды В. Шкловского, Н. Рымаря, Ю. Лотмана, Б. Успенского, посвященные проблеме «текст в тексте», работы о формах авторской саморефлексии С. Бройтмана, В. Тюпы, М. Абашевой, М. Хотямовой.

прогресс, жестокий, нечестивый, покоренным властью наживы (Овидий 2000: 9). Настоящее в романе неуловимо, время, подобно воде, песку, погребает все, проблема мистификации связывается тогда с *проблемой сознания*, способного осмыслить тексты, разгадав замысел создателя, или наделить их собственной интерпретацией.

В оппозиции к сугубо внешней, театрализованной жизни Рима с людьми-марионетками, чье существование подчинено этикету, складывается история провинциального крымского городка Томи, куда ссылают Овидия. Обитатели поселения – рудоплавы, авантюристы, беглые, скрывающиеся от государственного регламента или наказания. Железный город – «гиблое место», пристанище чужаков, варваров, собранных волей случая, но именно здесь, где не действуют закон, традиция, авторитет, обретается, по мысли автора, свобода самоопределения, перспектива своеволия. В селении «на краю света», посреди дикой природы, вновь переживаются мифологические сюжеты, застывшие на рельефах римских дворцов, словно освобожденные от гнета неподвижности.

Овидий, изначально принимающий все условия литературной индустрии (он участвует в рекламе, презентациях собственных произведений, интригует и эпатажирует публику обещаниями новых страниц), добивается массового успеха, но вместе с тем переживает глубокое разочарование в ремесле. Возвышение в глазах императора, как и известность в стане его противников, равно приводят к отчуждению от собственной судьбы, грозят поэту превращением в памятник, канонизацией текстов,

трансформацией дома в музей, что фактически и происходит после известия о его гибели: «Пробурили в фасаде отверстия и прикрепили к Назоновой стене мемориальную доску из красного мрамора; на ней золотыми буквами было высечено его имя, годы рождения и смерти, а ниже, под цифрами – фраза из его запрещенного труда: ...так у мест меняются судьбы...» (Рансмайр 2005: 92). В стане сопротивления же влиянию текстов Овидия приписывают акции протеста против тирании и беспорядки на улицах.

Противясь заданной участи, художник сознательно навлекает на себя немилость власти, отказываясь в триумфальной речи, посвященной открытию стадиона, от восхваления Императора: «Назон в тот вечер вышел и стал перед букетом тускло поблескивающих микрофонов и, сделав один этот шаг, оставил Римскую империю позади, не произнес, забыл – ! – строго-настрога предписанную литанию обращений, коленопреклонение перед сенаторами, генералами, даже перед Императором, что сидел под своим балдахином, забыл себя и свое счастье, без малейшего намека на поклон стал перед микрофонами и сказал только: Граждане Рима» (Рансмайр 2005: 46–47). Поэт выбирает ссылку, хаос неизвестности, удел древнего сказителя, бегущего, говоря словами Х.Л. Борхеса, плена «бесконечной вавилонской библиотеки».

Жизненный путь мастера венчает восхождение в горы, к пещере в заброшенном селении рудокопов Трахиле, которая одновременно есть проход в Аид, охраняемый мифологическим псом. Мотив восхождения в горы – один из ключевых в творчестве К. Рансмайра, его

семантика определена единоборством с роком, смертью, преодолением времени: «Ведь нынешнему туристу горизонт высокогорья является совершенно таким же, каким он виделся охотнику эпохи неолита, – лишь взгляд в глубину возвращает в сегодняшний день», – считает художник (Рансмайр 2008: 267).

Показательно, что Котта, ступающий след в след за поэтом, является слушателем Академии Данте, его пребывание в пещере Назона, выдолбленной в скале, равносильно символической смерти, сопровождаемой похоронными причитаниями слуги Овидия – Пифагора: «А на верхнем этаже по-прежнему уныло бубнил Назонов слуга. Так монотонно, так неумолчно бубнили сульмонские женщины над утонувшими ловцами губок, когда запаянные оловянные гробы несли с побережья в родную деревню; так бубнили псалтирники на всех панихидах в Италии возле обрамленных цветами и рядами свеч катафалков, и Котте почудилось, словно это бормотанье, столь же невнятно, сколь упорно проникавшее с верхнего этажа вниз, предназначалось ему. То были строфы элегии на его смерть. Его ложе было катафалком» (Рансмайр 2005: 58–59).

В картине железного города соединены символы различных эпох, культур (в I в. до н.э. сосуществуют кино, печать, стадионы, реклама; преследуют инакомыслящих, отправляя на крест или в газовую камеру) – здесь сбываются сны и мифы, творятся чудеса, время отсутствует. Образ провинции воплощает собой промежуточный мир между прошлым и будущим, сном и явью, жизнью и смертью. Происходящее в Томах – конспект истории человечества

с открытым финалом, отмеченным перманентным апокалипсисом. На смену двухлетней зиме, холоду, голоду, темноте и буквально скрежету железному приходит лето с буйной экзотической растительностью, обилием птиц, рыбы, заканчивающееся испепеляющим зноем. Вести из провинции невозможно верифицировать, они исчезают, мифологизируются (взаимная ложь переписки Овидия и его жены). Новость о смерти поэта приносит в Рим торговец Аскалаф, чье имя отсылает к демону, «соблазнившему» Прозерпину. Лекарь и могильщик забытого поселения назван по аналогии с Аидом – Дит. История «последних времен» вписана в контекст античной и христианской культур: от мотива потопа, обрушенного на человечество Зевсом, до классических примет Откровения Иоанна Богослова: город переживает землетрясение, чуму, нашествие скорпионов, меняют свой цвет воды, однако и эти события – лишь одни из многих, за которыми следуют другие. Конец неизменно оборачивается новым творением, на смену эпохе героев приходит время людей-муравьев и людей, сотворенных из грязи, предсказанное в знаменитой речи Овидия перед гражданами Рима. Новые поколения отличает покорность, молчаливость, отсутствие страстей и памяти, о необходимости которых пытается напомнить поэт.

Путешествие в Томах выстроено по модели инициации, его маркируют мотивы искушения, бури, корабля/ковчега, сна/смерти, символического пса. В образах насельников проступают черты подземных обитателей, карликов, троллей и животные признаки. Скучная историческая реальность подсвечивается

в романе сюжетами исчезнувшей поэмы как некой *идеальной силы*, способной изменить бытие человека. Так, жена мясника Прокна, укрывающаяся в собственной полноте от неприглядности жизни, ненависти мужа, обращается в птицу. Молчаливый канатчик Ликаон выбирает жизнь в шкуре волка и погибает в горах. Застывает в камне эпилептик Батт, не в состоянии оторваться от игры отражений в лучах епископа. Но и эти воплощения – только одни из многих, уготованных странствующей душе. Мотив метаморфоз, на котором строится бытие в Томах, объединяет элементы учения пифагорейцев и текст Овидия, отрывки которого сохранены Пифагором. Пафос вечного движения, карнавала, пронизывающий описание заброшенной провинции, диссонирует с неподвижностью римской цивилизации, покоренной энтропией.

Котта, стремящийся в Тома с теми же честолюбивыми целями, что некогда переживал Овидий, обнаруживает зависимость собственной судьбы от найденных знаков, лоскутков текста, вобравших философию его создателя: «Паденье поэта вытолкнуло его из римской защищенности, и теперь он падал вдогонку за ссыльным. Он устал. К влиянию, к почестям он более не стремился. Просто делал то, что делал» (Рансмайр 2005: 119–120). Связь между Овидием, Пифагором, Коттой и обитателями железного города осуществляется на ментальном уровне, свидетельствующем о близости людей различных времен и, одновременно, о творении новой книги в сознании читателя. Автор в деталях описывает скудный быт обитателей глубинки, борьбу с природными стихиями,

перипетии личных отношений, но каждая судьба корнями уходит в миф, отзеркаливает в другой судьбе/тексте, что отражают в том числе имена героев: Ликаон, Арахна, Дит, Эхо, Прозерпина...

Великая гора, у подножия которой ютятся Тома – прообраз Олимпа: «Имя увенчанного снегами массива, блистающего за разбитыми окнами, тоже было запечатлено на лоскутках – *Олимп*. Могучая – могучей всего, что когда-либо поднималось над Черным морем – бросала эта гора свою тень на берег железного города» (Рансмайр 2005: 172). Полномочным представителем богов и становится Поэт, возвысившийся над временем, собственной судьбой. Гора как ось мироздания, окрест которой наращивается бытие, соединяет небеса, пространство смертных и Аид. Образ горы дублируется символами вечно *зеленой шелковицы* у входа в пещеру Овидия, *дуба* из речи поэта о рождении муравьиного народа империи и *пирамидами Пифагора*, напоминающими скрижали. Из тутового дерева изготавливали шелк, служивший написанию первых книг. Плоды шелковицы символизируют путь человека от рождения до смерти, на Востоке тутовое древо считается аналогом Древа Жизни, обладающим волшебными силами против зла (Словарь символов 2003: 686). Неуязвимость вечнозеленой шелковицы, пережившей в романе потоп, землетрясение, гибель цивилизаций, оставляет перспективу человеку творящему, посвященному в тайну письма, но свидетельствует и о драматизме его судьбы. По замечанию У. Витштока, «Последний мир» – единственный роман К. Рансмайра, где кроме естественноисторической

перспективы, перед которой все брэнно, есть культурноисторическое измерение, в котором искусство Овидия остается актуальным 2000 лет, что в человеческих масштабах непостижимый срок (Wittstock 2009: 122–136).

В железном городе пробуют свои силы ораторы, пророки, искусители всех времен: от древних сказителей до христианского миссионера и лилипута-киномеханика. Их тексты в той или иной степени коррелируют с текстом «Метаморфоз», воссоздаваемым Коттой. Образ города – последнего ковчега, затерянного в водах истории – представлен автором как уголок живой жизни среди хаоса рассыпавшихся букв и строчек. Явление к берегам Тома военного фрегата Ясона «Арго» с авантюристами на борту заставляет вспомнить аналогию М. Маклюэна, сравнившего ряды воинов, выросших из зубов дракона, с буквами алфавита: «Греческий миф об алфавите гласил, что Кадм – царь, которому будто бы принадлежала заслуга введения в Греции фонетического алфавита, – посеял зубы дракона, и когда они взошли, из них вышли вооруженные воины. Как и любой другой, этот миф емко резюмирует продолжительный процесс в мгновенной вспышке озарения. Алфавит означал власть, авторитет и контроль военных структур» (Маклюэн 2003: 94). Диктат линейного письма над сознанием человека оборачивается господством дидактизма, рационализма западной культуры, считает философ.

Ссылный Овидий, предпочитающий письменному слову устное, извлекает сюжеты буквально из первостихий: огня, воздуха, камня. Его необыкновенные истории передаются из уст в уста,

обретают статус молвы, воплощаются в реальные человеческие судьбы, даже будучи записаны слугой, они сохраняют фрагментарность, имеют открытый финал, начертаны в случайных местах. «Пифагор неизменно обнаруживал в Назоновых ответах и рассказах все свои мысли и чувства и уверился, что в этом совпадении ему, наконец, открылась гармония, которую стоит увековечить; с той поры на песке он больше не писал, а начал делать надписи повсюду, где бы ни появился, – сперва он карябал гвоздями и перочинным ножиком только столы в погребке у кабатчика, затем принялся писать глиняными черепками на стенах домов и мелом на деревьях, а порой даже на боках отбившихся от стада овец и свиней» (Рансмайр 2005: 154). Последовательность, в которой герой избирает материал для записей, отражает этапы становления письменности: от наскальной живописи до пергамента и бумаги. История мудреца Пифагора, чьи сочинения до нас не дошли, породив легенду о принципиальном отказе ученого от письма, искажающего смысл, иронически окрашивает судьбу ссыльного поэта. Древнегреческий мыслитель открывает в текстах Овидия тайну утраченного совершенства, которую отныне стремится передать в рисунке, жесте, слове. Кажущиеся случайными, непоследовательными записи на камне, стене, лоскутках ткани волнуют воображение, требуют активного сотворчества, разгадывания, воссоединяя тем самым распавшиеся времена. Происходящая таким образом мифологизация и эсхотологизация истории целью имеет противостояние наступающей власти энтропии, пустоте.

3. Проблема национальной идентичности в «Последнем мире»

Мифология всемирной истории, отраженная в текстах персонажей романа, накладывается на образ истории Австрии. К. Рансмайр обращается к важнейшей для австрийской прозы рубежа 1980 – 1990-х годов *проблеме национальной идентичности*. Для литературы этого периода, считают специалисты, вопрос о взаимоотношениях с прошлым, изображение его ошибок и мифов – один из ключевых (Плахина 2007: 5–37). Сама тема метаморфоз приобретает особую актуальность в ретроспекции истории страны. Образы огромной Австро-Венгерской империи, рассыпавшейся в 1918 году и оставшейся в статусе небольшой страны на обочине Европы, накладываются на мифологизированную судьбу Рима, его заброшенной провинции. Аншлюс 1938 года, суливший Австрии возвращение былого величия, как и последующие события, связанные с итогами Второй мировой войны (предложение стран-победительниц начать историю страны с чистого листа, минуя фашистское прошлое), стали проблемами культурной, литературной рефлексии именно в 1980-е годы, когда создается «Последний мир». Современность маркируется в тексте судьбой обывателя – лекаря Дита, отказавшегося от войны и едва не погибшего под копытами собственной лошади. Сюжет противостояния человека и Медного всадника – государства – обростает в романе различными вариациями: Пифагор и власти Эллады, Овидий и Август, Котта и императорский двор, Дит и армия.

Мифологизированные события Античности, бытие железного города, реальная жизнь Австрии связываются друг с другом экзистенциальным прозрением личностей (мудреца Пифагора, поэта Овидия, лекаря Дита, «переводчика» Котты и самого К. Рансмайра), невозможных вне экзистенциального опыта людей. Минувшее, запечатленное в мифах, знаках, текстах, инициирует настоящее и будущее, которые, в свою очередь, не существуют вне этого. Судьба человека расширяется, движется за счет духовного, культурного опыта ушедшего Другого. Для исторических периодов, выделенных в романе, характерна стагнация культурной жизни, но именно личность обладает высоким уровнем самостояния, самоопределения в хаосе настоящего. Логика развертывания сюжета подводит к мысли, что события истории сохраняют свой статус, будучи представлены в сознании людей. История железного города, вобравшая бытие человечества, реализуется в романе как плод представлений «комментатора» Котты. Внутренняя жизнь личности оказывается сущностнее, разнообразнее жизни мира.

4. Тексты персонажей-рассказчиков в романе

Книга Котты, в основе которой осколки, отрывки мифологизированной поэмы Овидия, позволяет рассматривать героев как двух *alter ego автора*. Творимый на глазах читателя, текст одновременно включает рассказы, кинофильмы, надписи на стенах домов, шкурах животных, гобеленах *авторов*

«чужих текстов». Образ Овидия как результат интерпретации фрагментов его произведения, рассказов Других крайне противоречив, незакончен. Включение текстов поэта на уровне наррации не упорядочивает его образ, не облегчает восприятие, напротив, тексты подобны лабиринту, диким зарослям, в которых блуждает Котта, изначально находящийся в плену формальных представлений о гении.

Сожжение рукописи «Метаморфоз» есть побег Овидия от себя прежнего, аутодафе, за которым следует попытка отстоять личную судьбу вопреки исчезающему времени, энтропии культуры, наступающей пустоте: «При всех домыслах это сожжение осталось таким же загадочным, как и причина ссылки. Власти отмалчивались или прибегали к пустословью. А поскольку некий манускрипт, который долгое время полагали в надежных руках, за все эти годы тоже не объявился, в Риме мало-помалу начали догадываться, что пожар на Пьяцца-дель-Моро был не отчаянным поступком и не огненным знаком, а самым настоящим уничтожением» (Рансмайр 2005: 24). Образ добровольного изгнанника и пытается разгадать Котта. Стремясь придать «Метаморфозам» законченную форму, «комментатор» затем отказывается от этой идеи, собирает обрывки тканей с начертанными строками, произвольно нанизывает их на нить, повторяя логику Овидия. Отрывки представляют собой фрагментарный способ осмысления реальности, эффект остановленного мгновения, когда каждый, обратившийся к ним, может расположить записи в собственном порядке, домыслить. Этот способ сотворчества важен и автору-создателю,

отстаивающему загадочность самой природы литературного труда: «Лично я оставляю за собой право пребывать в растерянности и лишь в процессе письма мало-помалу уяснить себе, что именно хочу сказать» (Рансмайр 2008: 236).

Тексты Других складываются в «Последнем мире» в несколько циклов: о камнях, птицах, героях, судьбах людей, подземном мире и, наконец, о творчестве, поэзии. Овидий находит рассказчиков, доверяя избранным только часть собственного замысла: «Назон отворял каждому из слушателей особое окно в царство своих фантазий, рассказывал каждому лишь те истории, какие тот хотел или был способен услышать» (Рансмайр 2005: 124–125). Каждый цикл – очередная мифологизация истории, но одновременно – свидетельство осуществленной судьбы поэта, ее непреходящей значимости. Введение «чужих текстов» функционально отличается от формально-риторической модели «текст в тексте», ибо не выходит за границы семантического сюжетного поля. «Чужие тексты» не могут быть известны заранее, созданы «в стороне» от непосредственной проблематики произведения, они складываются на наших глазах, так или иначе исследуют сами себя и тем самым прямо влияют на формирование произведения внешнего (Бак 1992). Цель такой организации – расширение коммуникации, перспективы понимания при утрате возможности отклика в настоящем или фактическом отсутствии прямой коммуникации. Истории в романе свидетельствуют скрытую мистическую реальность, создают атмосферу тайны, на фабульном уровне их функции связаны с изменением хода событий или бытия персонажей.

Первая книга передоверена красавице Эхо – наперснице Овидия в скитаниях по горам и утесам, поэт разжигает костерки повсюду, уверяя, что читает в пламени. Здесь объединены *сюжеты о камнях*, что после потопа, устроенного Зевсом, дают основание новому человечеству. Мотив обращения в камень связывает фигуры властителей империи, воплощенные в памятниках, с образом окаменевшего безумца Батта и перволюдей-варваров. Параллель «император – шут» развернута на всех уровнях текста: от жестов, атрибутов (крапивный венок Батта пародирует лавровый Императора), поз (неподвижность Августа, наблюдающего за носорогом, и деревенского безумца, замороженного отражениями епископа) до языка (бессвязная речь или молчание). Фигура Батта коррелирует с образами самого Овидия (карнавальная маска героя повторяет черты Назона) и Котты, которых насельники считают сумасшедшими. Судьба несчастного сына Молвы – фарсовое отражение участи поэта, ожидавшей его в официальном Риме: «А Батт – камень среди множества камней здешнего побережья – в конце концов занял место в лавке между бочками кислой капусты, косовищами и банками с карамелью; черный от свернувшейся свиной крови, блестящий от притираний немца, высился он в мире живых, точно идол, измазанный кровью жертв» (Рансмайр 2005: 134). Попытка Котты завоевать любовь Эхо, овладеть ею – суть символическое покушение на тайну самого языка, голос поэта, обернувшаяся трагедией.

Мифологию *небесного мира, истории птиц, полета* (образ Икара) передает в узорах на коврах немая ткачиха Арахна, богатство красок, живость

изображений «пробуждали у иных обитателей Томов затаенную тоску по чужому миру; ведь с этими гобеленами, хотя их можно было выменять всего лишь на овцу, парочку кур или кованую домашнюю утварь, не могли соперничать красотой ни сады, ни цветущие склоны здешнего побережья» (Рансмайр 2005: 121–122). Ткачиха, приоткрывшая у себя Эхо, находит в девушке собеседника, ценителя рассказов-узорков, как сама Арахна читает истории по губам Овидия. Прекрасные гобелены немой обладают силой магнетизма, проникают в каждый дом, их сюжеты разыгрываются в судьбах насельников.

Мифы о подвигах героев Античности демонстрирует в своих фильмах лилипут-киномеханик Кипарис, сопровождаемый прекрасным оленем: «Кипарис, как и в минувшие лета, правил вдоль берега, выводил кнутом в воздухе свистящие, путаные знаки и громко оглашал Томам имена героев и прекрасных женщин: так лилипут еще издали возвещал улады, боль, и скорбь, и все страсти, которые во тьме ближайших вечеров будут по его мановенью мерцать на облезлой белой стене скотобойни» (Рансмайр 2005: 24). Карлик функционально совпадает как с Баттом (оба поглощены игрой теней, масок), так и с поэтом-изгнанником: «Кинемеханик Кипарис покидал в этот вечер железный город так же, как некогда Назон Сан-Лоренцо и Рим: сквозь строй любопытных, побежденный судьбой и с характерной отсутствующей миной человека, знающего, что возврата ему нет» (Рансмайр 2005: 76). Показательно, что вилла Овидия в Риме спрятана от любопытных «за кипарисами и пиниями».

Книга трав, подземного мира

открывается немцу Диту, «которого вынесла к этим берегам забытая война». Герой фактически переиграл собственную смерть и был помолвлен с «нимфоманкой» Прозерпиной. В образе Дита иронически объединены функции мифологического врачевателя Асклепия и его оппонента Аида – он «умел стричь волосы и бороды, зашивать раны, составлял мази и продавал целительный зеленый ликер, утверждая, что он-де из швейцарских монастырей. Когда такие средства не действовали и все врачебное искусство оказывалось бессильным, Дит хоронил покойников железного города и ставил на могилах каменные надгробия» (Рансмайр 2005: 34). Знахарь даже говорит цитатами из сочинений Овидия, выступая его мифологизированным двойником: Овидий – Зевс – Дит. *Повествование о нравах и судьбах* людей вложено в уста торговли Молвы, в лавке которой поэт отдыхал перед уходом в горы. Сын лавочницы, повторяющий отрывки рассказов Овидия, функционально совпадает с Эхо.

Самая скрытая, малодоступная часть «Метаморфоз» – *лоскутки с записями Пифагора*, укрепленные в пирамидах на вершине горы, и *менгиры на камнях*, сокрытые под телами слизней. Записи на камнях посвящены судьбе поэта, завершающего свой труд, прозревающего его участь в веках. Сами камни выступают свидетелями и хранителями истории мироздания. Котте удастся прочитать небольшой фрагмент текста – это единственная подлинная цитата из Овидия, что подчеркивает ее значимость в романе:

Вот завершился мой труд, и его ни Юпитера злора

Не уничтожит, ни меч, ни огонь, ни алчная старость.

Пусть же тот день прилетит, что над плотью одной возымеет

Власть, для меня завершит неверной течение жизни.

Лучшею частью своей, вековечен, к светилам высоким

Я вознесусь, и моё нерушимо останется имя.

Всюду меня на земле, где б власть ни раскинулась Рима,

Будут народы читать, и на вечные веки, во славе –

Ежели только певцов предчувствиям верить – пребуду (Овидий 2000: 350).

Герои, излагающие истории Овидия, суть тени, двойники мастера, бытие которых преобразено поэмой, сфокусировано на *процессе рассказывания*, после чего они развоплощаются (Арахна), исчезают (Эхо, Кипарис, Пифагор), превращаются в камень или птицу.

5. Сюжет чтения. Образ «комментатора» Котты

Стержневой для романа образ читателя-«комментатора» Котты мистифицирует собственную рефлектирующую позицию автора-создателя. Избранный герой – свидетельство кризиса авторства, способ проверки художником личного творчества, его места в литературе. Отданные другим персонажам фрагменты текста создают ситуацию полифонии, диалога взглядов, интерпретаций, мнений, происходит нравственная, эстетическая проверка решения, принятого Овидием, его взглядов на время, историю, человека. Эти же вопросы самоопределения и самостояния

в мире, изменяющемся на глазах, решает вслед за мастером «маленький человек» – Котта, внутренние муки, сомнения которого подвергнуты тщательному анализу. Образ Поэта ироничен и герметичен одновременно, оформляется за счет точек зрения Других (придворных в Риме, друзей, насельников железного города, слуги, «комментатора»), крайне противоречивых. Интерпретатор же, напротив, саморазоблачающийся персонаж, наделенный голосом, биографией, личными пристрастиями и прозрениями. Судьбы Овидия и Котты, писателя и «комментатора», творца и читателя – важнейшие *составляющие позиции автора*.

Духовная близость великого поэта и его последователя имеет историческое обоснование – в автокомментарии к роману К. Рансмайр указывает: Котта Максим Мессалин – поэт и оратор, друг Овидия; неоднократно упоминаем историками Плинием и Тацитом. «Шесть писем Овидия с Черного моря (“Письма с Понта”) адресованы ему» (Рансмайр 2005: 186). «Комментатор» наделен и чертами биографического автора: от возраста до судьбы путешественника, оставляющего столицу ради перспективы обретения свободы, пути. Образ читателя-«комментатора» создается в романе нарративным способом, повествованием о его истории, филологических вкусах, однако оригинального текста ему не дано. Если смыслопоражающая функция закреплена за героем, то текстопорождающая – за автором-создателем.

Котта *свидетельствует* поэму Овидия, переживает описанное как собственную судьбу, собирает и скрепляет фрагменты, подобно

виртуозу-переплетчику. Не случайно он поселяется в доме канатчика, овладевая его ремеслом, огромные мотки кожаных ремней в сундуке Ликаона – прообразы древних книг. «Подобно несчетным девизам и заповедям, пестрящим в резиденции на транспарантах и плакатах и призванным напоминать гражданам Рима о великом множестве их обязанностей, в канатчиковом доме, на протянутых крест-накрест веревках, качались теперь исписанные выцветшие лоскутья из Трахилы» (Рансмайр 2005: 152). Котта, развешивая гирлянды флажков с обрывками историй по всему дому, превращает его в аналог Книги. Эмоциональный, нравственный, художественный опыт интерпретатора-читателя, перевернувший его судьбу, выводит роман из эстетики постмодернизма (Арская 2004: 36–43). В рамках игровой поэтики оказывается возможным отстоять *ценности языковой культуры*, пробивающей дорогу мысли несмотря ни на что, наделенной огромным витальным потенциалом. Здесь не только реабилитирована идея *человека-творца* (образ Овидия), которому отдается центральная роль в текстопорождении, но подчеркивается близость образов мастера и читателя, художника и Другого, кем он надеется быть понятым.

Синтез сознаний поэта и «комментатора», создателя текста и Другого осложняется тем, что автор-повествователь описывает мифологизирующее сознание Овидия, движение персонажей к пониманию собственных судеб, интерпретационные усилия Котты с позиции художника конца XX века. Поэт и следующий за ним «маленький человек», творец

и толкователь-филолог – две линии в бытии, две миссии, призванные к осмыслению, сохранению и передаче духовного опыта людей, его обогащению личными прозрениями. Нарратор не столько *скриптор постмодернизма*, сколько *режиссер, мистификатор*, овнешняющий авторское сознание, повествующий о приемах и способах письма, книжной индустрии, подвластной законам массовой культуры. Каждый герой-alter ego (Овидий, Котта как воплощения авторских масок) имеет свою линию в бытии и текст («Метаморфозы» великого поэта существуют в интерпретации «комментатора»), они уже Другие по отношению к роману самого К. Рансмайра. Повествовательная конструкция держится на синтезе двух реальностей: текстовой и метатекстовой, затекстовой, реальности Овидия (первичной) и Котты (вторичной, созданной чтением). Подобная субъектно-персонажная организация произведения свидетельствует об изменении качества авторского сознания в прозе конца XX века, утрате права на абсолютную истину, релятивизации авторского сознания (Гулиус 2004: 166–179). И в этом отличие постмодернистской эстетики от эстетики Рансмайра. В постмодерне истины нет вообще, есть игра в истину. Здесь же есть драматический поиск истины, но и понимание, что сам поиск есть ценность. Истина обретается каждым через личное испытание, само движение реально изменяет человека. У Рансмайра есть и Абсолют – звучащее слово. При этом ценность *звучащего поэтического слова* признается в романе абсолютно, над «последним миром» «царит уверенная власть Слова, Таланта, и она оставляет ощущение блестящей

конечной победы» (Карельский 1993: 5). Означая собственную профессию, К. Рансмайр называет себя прежде всего «рассказчиком», «туристом», не писателем, что предполагает «готовность не просто судить о мире, но и познать его, исходить пешком, а если угодно, обойти под парусом, излазить, исплавать и даже выстрадать» (Рансмайр 2008: 231).

Текст завершает мистическая сцена – на вершине горы Котта наблюдает словно вернувшегося из Аида поэта (параллель Овидий – Дит), диктующего очередную историю слуге: «...у распахнутых дверей сидел Пифагор и вроде бы писал, расстелив на коленях синюю тряпицу, которая так и норовила вырваться из рук. А рядом со стариком, укрывшись от серебряного глянца склонов, одной рукой опершись, как на пюпитр, на каменную пирамиду и небрежно вскинув другую, стоял Назон, римский поэт. Глядя в огонь печурки, Назон словно беседовал со слугою. Котта узнал голос и интонацию и все равно ни слова не понимал, он слышал только стук крови в своих висках, слышал порывы ветра, что срывали с губ ссыльного фразу за фразой и уносили вверх по склонам. А рука Пифагора летала по синей тряпице, будто он в отчаянной спешке непременно должен был записать эти слова, прежде чем их развеет ветер. Время замедлило свой ход, остановилось, вернулось в прошлое» (Рансмайр 2005: 145–146).

Живое слово определяет в романе судьбы богов, людей, мира в целом, над ним не властно время: «Ведь когда люди вкупе с домами, нивами, полями сражений, дворцами, бункерами, памятниками – и небесами! – превращаются в слова, то чисто виртуальное, даже райское, небесное

может разом, в стаккато нескольких придаточных предложений, стать реальным, тогда как монументальное, казалось бы нерушимое, непобедимое, непреходящее с не меньшей легкостью, играючи исчезает, через посредство других слов», – убежден автор (Рансмайр 2008: 232). Сюжеты поэмы

разыгрываются в самой жизни, сливаются с ней: «Придумывание реальности более не требовало записей» (Рансмайр 2005: 173). Действительность рождается из литературы, обращается в миф и возвращается в литературу, постижение ее смыслов открывает метафизическую сущность бытия.

Литература

FITZ, A., 1998. «*Wir blicken in ein ersonnenes Sehen*». *Wirklichkeits- und Selbstkonstruktion in zeitgenössischen Romanen*. Sten Nadolny, Christoph Ransmayr, Ulrich Woelk. St. Ingbert: Rohrig.

GOTTWALD, H., 1996. *Mythos und Mythisches in der Gegenwartsliteratur. Studien zu Christoph Ransmayr, Peter Handke, Botho Strauß, George Steiner, Patrick Roth und Robert Schneider*. Stuttgart: H.-D. Heinz.

KIEL, M., 1996. *Nexus: postmoderne Mythenbilder. Vexierbilder zwischen Spiel und Erkenntnis. Mit einem Kommentar zu Christoph Ransmayrs «Die letzte Welt»*. Frankfurt a. M., Berlin.

WILKE, S., 1992. *Poetische Strukturen der Moderne. Zeitgenössische Literatur zwischen alter und neuer Mythologie*. Stuttgart: Metzler.

WITTSTOCK, U., 2009. *Nach der Moderne. Essay zur deutschen Gegenwartsliteratur in zwölf Kapiteln ueber elf Autoren*. Goettingen: Wallstein Verlag.

АРСКАЯ, Ю., 2004. Устранение Творческого субъекта в произведениях А. Слаповского и К. Рансмайра. *Литературное произведение: коммуникативный аспект. Вестник ИГЛУ. Сер. Литература*. Иркутск: ИГЛУ, 36–43.

БАК, Д., 1992. *История и теория литературного самосознания: творческая рефлексия в литературном произведении*. Кемерово: КемГУ.

БУТОВ, М., 2003. Вечные льды. *Новый мир*, № 7, 175–178.

ГУЛИУС, Н., 2004. Сюжет чтения в романе М.С. Харитоновой «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича». *In: Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 6. Формы саморефлексии литературы: метатексты и метатекстовые структуры*. Томск: ТГУ, 166–179.

ЗАТОНСКИЙ, Д., 2000. *Модернизм и постмодернизм. Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств*. Москва: «Издательство АСТ».

КАРЕЛЬСКИЙ, А., 1993. О людях и камнях, о людях и птицах. *In: Рансмайр К. Последний мир. Роман с Овидиевым репертуаром / пер. Н. Федоровой*. Москва: Радуга.

МАКЛЮЕН, М., 2003. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*. Москва: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле».

ОВИДИЙ, 2000. *Метаморфозы / пер. С. Шервинского*. Харьков: Фолио; Москва: «Издательство АСТ».

ПЛАХИНА, А., 2007. Немецкоязычная, но не немецкая. Некоторые аспекты австрийской прозы 1970–1990-х годов. *Вопросы литературы*, № 6, 5–37.

РАНСМАЙР, К., 1993. *Последний мир. Роман с Овидиевым репертуаром / пер. Н. Федоровой*. Москва: Радуга.

РАНСМАЙР, К., 2008. Признания туриста. *Допрос. Иностранная литература*, № 4, 229–282.

СЕГАЛ, Д., 2006. *Литература как охранная грамота*. Москва: Водолей Publishers.

СЛОВАРЬ СИМВОЛОВ, 2003. Москва: РИПОЛ классик.

Natalia Kovtun

Siberian Federal University, Russia

Research interests: Russian literature of the 20th and 21st centuries, poetics, the utopian ideology of metagenres, postmodernist prose

THE METHOD OF ARTISTIC MYSTIFICATION IN RANSMAYR'S NOVEL *THE LAST WORLD*

Summary

The article proposes a new interpretation of the iconic novel by Austrian writer Christoph Ransmayr, *The Last World* (*Die letzte Welt*, 1988), recognized as the best European prose text of the late 1980s. The quest is the basis of the plot of the novel, the interpretation of Ovid's mystified and mythologized poem, "Metamorphoses." Various readings of the famous text can be interpreted as methods of externalization, verification of the author's self-image, or attempts to approximate the truth of the primary meaning revealed in Genesis. The chosen foreshortening of the study reveals the forms of the author's self-reflections

through image-masks (hero—narrator—"commentator"—reader), a narrative story (facts of artistic reality—events of the story—the reading process—"commenting"), mystification of texts (works of world literature—character/narrator books—reader/"interpreter" texts), and a system of commentaries on them. Hero/storytellers, offering different interpretations of the missing poem, implement their own understanding of reality, one that requires further discussion and examination. The process of cognition is the essence of reading; interpretations of prior texts and the creation of new ones disprove the main thesis of postmodernism about the reticence and hermeticity of works of literature. In this novel, Ovid reveals the mystery of elusive time, heaven, and hell. The process of empathy, the narrator's and reader/listener's co-creation, bring a closer understanding of the metaphysical foundations of being.

KEY WORDS: Ransmayr, *The Last World*, postmodernism, forms of author's self-reflection.

Gauta 2013 12 30

Priimta publikuoti 2014 01 24